

Контрреволюционеры в современном обществе больше

Главный редактор журнала «Историк» Владимир Рудаков рассказал в интервью «Платформе» о том, раскалывает ли революция российское общество.

Что революция сегодня значит для российского общества? Не в смысле причинно-следственной связи, а как событие, смысловой узел, который разделяет людей по отношению к себе?

Владимир
Рудаков

По поводу революции 1917 года в обществе мнения делятся примерно пополам. Половина из тех, кто понимает, что это такое, говорят, что это была катастрофа, и дальше следует понятная аргументация. Другая половина убеждена, что это было начало рывка в новую эпоху, которая дала людям большие возможностей, запустила социальные лифты, стала источником экономического подъема. Кто прав – трудно сказать, потому что люди оценивают разные вещи. Те, кто говорят, что революция – это позитивное явление в нашей истории, имеют в виду не сами события октября 1917 года, а восторгаются советским проектом, который последовал за революцией. Для них значимы достижения Советского Союза в экономической и социальной сферах, победа в войне, полет в космос и так далее. Для тех, кто осуждает революцию, первостепенное значение имеет государственный переворот, развязанная практически сразу же гражданская война,

огромные жертвы, террор, насилие и все остальное. Означает ли это, что у нас в стране половина революционеров, а половина контрреволюционеров? Я думаю, что нет. Контрреволюционеров в современном обществе гораздо больше хотя бы потому, что на вопрос, нужна ли революция России сегодня, в 2017 году, 92% отвечают, что не нужна. По данным ВЦИОМ, в 2012 году, всего пять лет назад, так считали 78%. Теперь, видимо, под впечатлением от событий, которые происходили в эти 5 лет в некоторых странах, я имею в виду не только Украину, но и Сирию, люди делают вывод, что это не тот путь, который нас должен привлекать.

В чем сущностное различие монархии начала XX века и нынешней системы?

Я считаю, что различий гораздо больше, чем сходств. Главное различие заключается в происхождении власти. Как бы мы ни относились к процедуре современных выборов, все равно власть в России, так или иначе, принадлежит народу, который эту власть делегирует тем или иным органам власти. К этому можно относиться иронично, но это в конечном счете так. Даже те люди, которые говорят о манипулировании общественным мнением, в конечном счете признают, что власть зависит от этого мнения и вынуждена что-то с ним делать, как-то на него влиять, чтобы добиться результата на выборах. Монархия существенно меньше зависела от мнения населения, она исходит из того, что монарх – это помазанник Божий, в лучшем случае монарх чувствует себя зависимым от узкого круга элиты, как правило, наследственной, а не сформированной. Да и сама монархия в российском дореволюционном варианте подразумевала наследственную передачу власти, и это во многом создавало те проблемы, которые в конечном счете ее погубили. Династическая проблема возникла не в 1917 году, а значительно раньше. Николаю фактически некому было передавать власть. Больной наследник, младший брат Михаил, который по законам того времени мог занять престол сам, но не мог передать его своим потомкам, поскольку его брак не соответствовал тем стандартам, которые позволяли передавать

власть. Поэтому, мне кажется, отличий больше.

Сходство, пожалуй, только одно. В России всегда ценится и имеет значение власть одного человека, который аккумулирует в себе представление большинства общества о том, что есть единый источник власти. Поэтому большевики воспроизвели «монархическую» форму правления. Вначале они выступали с демократическими лозунгами, но при Сталине образовалась моноцентричная власть. И дальнейшие события показали, что, как только у нас возникают разные и при этом равновеликие источники власти, добром это не заканчивается. Вспомним события сентября 1993 года, там был личностный конфликт Ельцина и Хасбулатова, там был некий шок элиты от проводимых радикальных реформ. Но главное, на мой взгляд, заключалось в том, что власть президента и власть Верховного Совета пытались между собой выяснить, кто из них больше для «матери-истории» ценен. В итоге два товарища, два соратника поругались настолько, что чуть было не спровоцировали гражданскую войну. Во многом повторилась ситуация XVII века, когда при Алексее Михайловиче пытались выяснить, кто «круче» – священство или царство?

Сколько в современной России от России старой и России советской?

Сложно сказать. Я считаю, что в современной России много чего перемешано – и дореволюционного, и постреволюционного. Давайте на сложный вопрос попробуем ответить просто. От советской эпохи у нас осталась, прежде всего, инфраструктура и ядерный щит – главное, что давало стране возможность существовать после 1991 года. И не просто существовать, а существовать достойно, в том числе позиционироваться на международной арене. Если бы ядерного щита, который был создан в советские годы, не было, думаю, что статус России как мировой державы в 1990-е годы упал бы так низко, что может, России уже и не было бы как целостного государства. То же самое касается инфраструктуры – понятно, о чем идет речь. От Советского Союза у многих людей осталось представление как о справедливой

эпохе, которая людям много чего дала.

Что касается дореволюционной эпохи, остались какие-то иррациональные вещи. Они не столько остались, сколько вернулись к нам в конце 1980–1990-х годов. Это связано с религиозными ценностями. Возвращение влияния церкви начинается с празднования 1000-летия Крещения Руси, то есть с конца советской эпохи. Это связано с представлением о России, которую мы потеряли, – как назывался фильм Говорухина. Некоторая часть населения полагает, что дореволюционная Россия развивалась правильно, а после 1917 года пошла куда-то не в ту сторону. Точно также когда-то оценивали петровские преобразования. Славянофилы полагали, что при Петре I был нарушен традиционный путь развития, а западники считали, что только с Петра все и началось. Так что, много всего намешано, поэтому и отношение к этому периоду разное. И аналогия с петровскими реформами, которые тоже повлекли очень радикальные изменения, показывает, что это отношение не может быть однозначным в любую эпоху.

Вы сказали, что Советский Союз воспринимается как справедливое государство. Является ли справедливость сейчас базовой ценностью национальной ментальности?

Думаю, что да. Идея справедливости в широком смысле слова – не только социальной, но и политической, и иной – это идея общегуманитарная, не только нам свойственная. Но мы действительно к справедливости относимся очень трепетно. Понятно, почему. Есть представление о том, что справедливо, а что несправедливо. И когда несправедливость касается кого-то из нас, мы очень ярко реагируем. То же самое касается и общества в целом, оно тоже на это реагирует очень экзальтированно.

А насколько тяга к справедливости будет влиять в перспективе на политическую повестку?

Я думаю, что уже сейчас влияет очень активно. С другой

стороны, нужно понимать, что представления о справедливости не всегда тождественны собственно справедливости. В принципе, мир может устроен более-менее справедливо, но части общества может казаться, что он не справедлив. И обратное тоже возможно. Мир может быть несправедлив, но люди будут удовлетворены тем, как он устроен, и особо его в несправедливости упрекать не будут. Это вещи достаточно подвижные, но тем не менее значимые для общества. И их становится все больше и больше. Информационный мир наваливает на нас все больше проблем, чужих проблем, когда, например, вы читаете Фейсбук, телеграм-каналы, смотрите телевизор. И вы вдруг узнаете о проблемах, о которых и не думали, пропускаете их через себя и тоже оказываетесь задействованы «в борьбе за это». Конечно, это будет иметь значение. Как сказал президент, мир не становится проще, – он становится сложнее и жестче. Поэтому потребность в справедливости будет расти.

Как революция 1917 года влияет на бренд России сейчас?

Трудно говорить за всю за границу, насколько я понимаю, для существенной части людей за рубежом революция 1917 года – это один из феноменов, который мир получил благодаря России. Это феномен, который преподнес миру разные уроки. Какие-то страны пошли путем Советского Союза, какие-то, наоборот, отвергли советский опыт и делали все, чтобы его не повторить. В любом случае, революция очень сильно повлияла на мир, и на Европу, и на Азию, и на Латинскую Америку. Много последователей «красного проекта» было по всему миру в разных изводах: и сталинском, и ленинском, и троцкистском. Последствия советского проекта тоже связывают с этой датой. Победа в войне – тоже очень важный вклад Советского Союза в достижение человечества в XX веке. Он тоже переносится на этот образ. Это не рядовая, не проходная дата для мирового сообщества.